

**ПОГРЕБЕНИЯ НА СТОЯНКЕ ПАШИНА (СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ):
ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ
И КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ***

Вводится в научный оборот информация о трех новых погребальных комплексах с известного ранее памятника Стоянка Пашина (Северное Приангарье). На основе сравнительного анализа черт погребальной практики и сопроводительного инвентаря делается вывод о хронологической принадлежности новых погребений. Среди изученных комплексов выделяются объекты, относящиеся к эпохе неолита и раннему железному веку. Анализируются две радиоуглеродные даты, полученные для погребения № 4, хронологическая принадлежность которого, по сопроводительному инвентарю, в целом соответствует I тыс. до н. э. Отмечается удревленный характер полученных дат, не в полной мере соответствующий представлениям о генезисе предметного комплекса древнего населения региона. По результатам обсуждения предложен вывод о том, что такое разночтение является отражением недостаточной разработанности хронологии и периодизации памятников I тыс. до н. э. Северного Приангарья, построенной на основе традиционных археологических методов, и отсутствия типологически выделенных памятников начала II тыс. до н. э. В итоге предложено ограничить возраст погребения № 4 концом II – началом I тыс. до н. э. Рассмотрен также оригинальный тип костяной накладки на лук, происходящей из данного захоронения.

Ключевые слова: Северное Приангарье, эпоха бронзы, эпоха раннего железа, накладки на лук. Радиоуглеродное датирование.

Несмотря на прошедшие в последние годы широкомасштабные исследования в зоне затопления Богучанской ГЭС, значительная часть археологических источников остается пока не опубликованной, в том числе материалы погребений. Именно этот арсенал источников, в совокупности с детальным комплексным анализом, позволит в перспективе выйти на доказательную реконструкцию этапов древней истории Северного Приангарья. Данная публикация посвящена вводу в научный оборот материалов новых погребений, обнаруженных в процессе раскопок на многослойном памятнике Стоянка Пашина в 2009 г.

Стоянка находится в Кежемском районе Красноярского края в 30 км выше створа БоГЭС, на левом берегу Ангары, на правобережном приустьевом участке р. Верхняя Кежма (местное название – р. Пашинка). Памятник расположен на первой террасе Ангары, высота которой на данном участке составляет 8,5–9,6 м.

В 1976–1977 гг. СААЭ КГПИ под руководством Н. И. Дроздова на памятнике были проведены стационарные работы, в ходе которых выявлены культурные горизонты, содержащие разновременный археологический материал – от эпохи неолита до I тыс. н. э. [Васильевский и др., 1988.

* Исследование выполнено в рамках Программы Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (проект 33.1.2.3 «Изменения в материальной культуре древнего населения Северного Приангарья по материалам новых археологических памятников»), гранта Президента РФ по поддержке научных школ (научная школа акад. В. И. Молодина НШ-4880.2012.6) и Министерства образования и науки РФ (соглашение № 14.В37.21.0007 «Основные особенности миграционных процессов на территории Северной Азии в эпохи камня и палеометалла»).

С. 102–113; Леонтьев, Дроздов, 1997]. В 2008–2009 гг. исследования на памятнике были продолжены силами отряда БАЭ ИАЭТ СО РАН [Гришин и др., 2009]. С 2012 г. территория, занятая памятником, затоплена водами водохранилища БогЭС.

Погребения, материалы которых представлены ниже, являются продолжением некрополя, обнаруженного Н. И. Дроздовым в 1976 г.¹ С учетом ранее исследованных погребений новым объектам присвоены № 4–6.

Погребения № 1–3 и 4–6 образовывали обособленные планиграфические группы. Расстояние между которыми было более 40 м. Могилы № 1–3 располагались в северо-западной части памятника относительно компактной группой, на небольшом удалении от современного края террасы Ангары и друг от друга (4–9 м)². Погребения № 4–6 располагались последовательно, образуя линию, ориентированную на восток-северо-восток: между могилами № 4, 5 расстояние составляло 44 м; между захоронениями № 5, 6 – 11 м. Таким образом, все шесть комплексов размещались неравномерно вдоль берега на участке протяженностью около 130 м.

Материалы первых трех погребальных комплексов были отнесены к цэпаньской культуре эпохи раннего железа [Дроздов и др., 2005. С. 57], время существования которой определяется в рамках VIII–II вв. до н. э. [Привалихин, 1993. С. 21].

Ниже приводятся описания погребений, исследованных нами в 2009 г.

Погребение № 4 (рис. 1, А). Контур пятна могильной ямы был зафиксирован непосредственно под дерново-гумусным слоем, на глубине 0,11–0,18 м от современной поверхности. Пятно вытянутой овальной формы было ориентировано по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад (параллельно береговой линии). В его западной половине выступала верхняя часть крупного валуна. Также на этом уровне прослеживались череп человека и кости ног, а в средней части были зафиксированы фрагменты обугленных продольных деревянных плашек – остатки внутримогильного перекрытия. Размеры ямы 1,8 × 0,45–0,66 м; глубина – 0,02–0,12 м (от уровня фиксации

пятна). Существенный объем в западной части могилы занимал крупный валун, уходящий значительно глубже уровня дна.

На дне узкой ямы, в основном *in situ*, находился скелет взрослого мужчины 35–45 лет³. Очевидно, что погребенный был уложен вытянуто на спину, головой на восток-северо-восток (вверх по течению). Руки вытянуты вдоль туловища. Правая нога располагалась на выступающем валуне. С течением времени кости бедра и голени оказались по разные стороны от его вершины. На черепе, от правой глазницы вдоль правой ветви нижней челюсти, и вдоль ее основания располагались 16 бронзовых бусин, образуя связку (рис. 1, 1; 2); две бусины оказались спекшимися. Под глазницами лежали еще два аналогичных изделия. Следы окислов бронзы зафиксированы на внутренней стороне лобной кости и левой скуловой кости. Вероятно, бусины первоначально располагались на лбу и частично на висках, являясь украшением прически или головного убора. В процессе археологизации украшение сместилось на правую сторону черепа. Под левой частью основания черепа лежала костяная концевая накладка на лук (рис. 1, 7). Поверх ребер находились каменный (рис. 1, 4) и два костяных наконечника стрел (рис. 1, 2, 3), обращенных остриями в сторону черепа. С внешней стороны левого предплечья обнаружен обломок еще одного каменного наконечника (рис. 1, 5), а с внутренней – предмет из трубчатой кости животного (рис. 1, 6). На одном из грудных позвонков, вблизи черепа располагался небольшой фрагмент обугленной бересты.

Погребение № 5. Представлено как пятно буровато-серой рыхлой супеси с нечеткими границами. По его центру компактно располагались два небольших валуна. Вероятно, они могли являться своеобразным внутримогильным перекрытием. Размеры могильной ямы 0,65 × 0,5 м. Ее глубина от уровня фиксации составила 0,02–0,06 м; от уровня современной поверхности – 0,7 м. На дне располагались кости неполного скелета взрослого человека (вероятнее всего, женщины 35–45 лет). Компактный развал костей черепа размещался практически по центру ямы, непосредственно под одним из камней (рис. 3). К восточному краю остатков

¹ Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 6787.

² Там же. С. 20. Рис. 4, а.

³ Антропологические определения выполнены мл. науч. сотрудником ИАЭТ СО РАН Е. А. Казаковой.

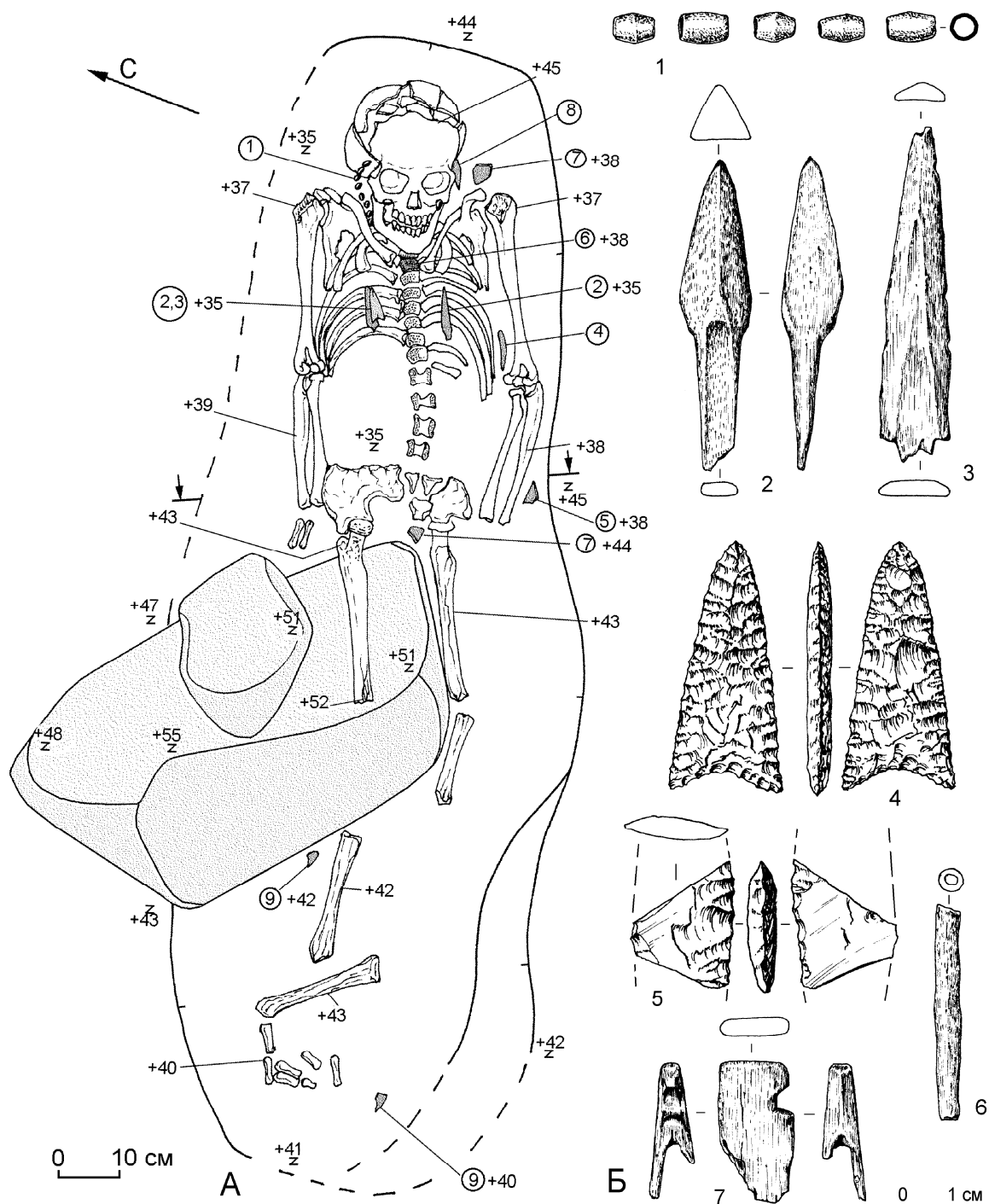

Рис. 1. Погребение № 4 со Стоянки Пашина: план погребения (А) и инвентарь (Б):

А: 1 – бусы; 2 – костяной наконечник; 3 – каменный наконечник; 4 – игольник; 5 – фрагмент каменного наконечника; 6 – фрагмент обгорелой бересты; 7 – фрагмент керамики; 8 – накладка на лук; 9 – отщеп; Б: 1 – бусы; 2–5 – наконечники; 6 – игольник; 7 – накладка на лук (1 – бронза; 2, 3, 6, 7 – кость; 4, 5 – камень)

череп примыкали фрагментированные плечевая и берцовая кости, здесь же лежали обломки нижней челюсти. В заполнении, между скоплением костей и западной стен-

кой ямы обнаружен фрагмент красноглиняной керамики.

Погребение № 6. Заполнение могильной ямы визуально практически не отличалось

Рис. 2. Погребение № 4 со Стоянки Пашина: расположение бронзовых бусин. Вид с севера. Фото А. Е. Гришина

Рис. 3. Погребение № 5 со Стоянки Пашина. Вид с северо-востока. Фото А. Е. Гришина

от окружающего его слоя и границы его были слабо определимы. Углубление было ориентировано по линии восток – запад, с небольшим отклонением к северо-востоку (параллельно береговой линии). Размеры – $1,8 \times 0,75$ м. Глубина относительно уровня фиксации ямы составила 0,15 м; от уровня современной поверхности – 0,83–0,87 м.

На дне могилы, *in situ*. Располагался скелет взрослого мужчины (по зубам – 25–30 лет, по степени зарастания швов на черепе – 30–35 лет). Погребенный был уложен в вытянутом положении на спину, головой на восток (вверх по течению). Руки вытянуты вдоль тела, но кисть левой руки располагалась на левой бедренной кости. Туловище находилось несколько ниже относительно костей ног. В заполнении погребения обнаружены единичные отщепы, попавшие в могилу, по всей вероятности, случайно, при засыпке могильной ямы.

Для сравнительного анализа всех погребальных комплексов могильника напомним основные черты захоронений «северо-западной» планиграфической группы [Дроздов и др., 2005].

Погребения № 1 и 3 находились на расстоянии 4 м друг от друга, образуя ряд, ориентированный по линии северо-восток – юго-запад. Захоронения были совершены в ямах глубиной около 0,35–0,5 м от уровня современной поверхности. Могильные ямы ориентированы по линии север – юг и северо-восток – юго-запад, что соответствует погребальной традиции цэпаньской культуры. Кости скелетов в индивидуальных захоронениях находились в беспорядочном положении. Не исключено, что отсутствие следов возможных, по нашему мнению, надмогильных конструкций, связано с предполагаемыми нами нарушениями этих погребений. Судя по параметрам могильных ям, возможны два варианта первоначального расположения тел: вытянутое и с подогнутыми ногами. Отметим, что в цэпаньских погребениях, где возможно однозначно диагностировать направление расположения умерших в могиле, безусловно, преобладает вытянутое расположение тела, ориентированного головой на юг либо юго-запад [Привалихин, 1993. С. 10, 12; Герман, Леонтьев, 2010. С. 501]. Вариант с согнутыми в коленях ногами в I тыс. до н. э. для Северного Приангарья является крайне редким: известно одно подобное погребение, выяв-

ленное на стоянке Кода-3 [Славинский и др., 2012. С. 198–199]. Инвентарь представлен кремневыми и костяными наконечниками стрел, костяными обоймами для прикрепления наконечников стрел к древку, керамикой цэпаньского облика. В погребениях присутствуют и бронзовые предметы: изогнутый обоюдоострый кинжал (погребение № 1) и наконечники стрел (погребение № 3).

Погребение № 2 представляло собой захоронение частей черепа при отсутствии костей посткраниального скелета. Следов могильной ямы не выявлено, сопроводительный инвентарь отсутствовал. Авторами публикации это погребение также отнесено, вслед за погребениями № 1 и 3, к кругу цэпаньских, но, по нашему мнению, должных оснований для этого нет. Примечательно, что погребальный комплекс № 2 располагался на удалении от могил № 1 и 3 и ближе к краю террасы⁴. Мы еще обратимся к погребению № 2 ниже, при определении культурно-хронологической принадлежности захоронения № 5, так как, оба комплекса, на наш взгляд, являются вторичными.

Перейдем к детальному анализу черт погребальной практики и инвентаря захоронений следующей планиграфической группы.

Погребение № 4 имело внутримогильное перекрытие из тонких обугленных плашек (либо уплощенных с течением времени стволов тонкомера). Использование огня на завершающих стадиях погребального ритуала известно в Северном Приангарье, вероятно, с эпохи ранней бронзы, о чем свидетельствуют материалы погребений № 1–3 могильника Сергушкин-2 [Привалихин, 2011]. Данная традиция продолжается и в I тыс. до н. э., в памятниках цэпаньской культуры [Привалихин, 1993. С. 10, 15; Славинский и др., 2012. С. 199].

Погребение № 4 является единственным из исследованных в 2009 г., где сохранился погребальный инвентарь. Костяные наконечники стрел (2 экз.) черешковые, трехгранные в сечении, отличаются размерами. Общая длина одного целого наконечника – 6,2 см, пера – 3,6 см; ширина пера – 1,4 см. Его особенностью является изготовление черешка практически в одной плоскости с гранью пера (рис. 1, 2). Другой экземпляр не

⁴ Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 6787. С. 20. Рис. 4, а.

целый, с обломанным насадом (рис. 1, 3). Длина сохранившейся части – 6,7, ширина – 1,4 см.

Каменные наконечники (2 экз.). Один целый: длина – 5, ширина – 2,2 см. Обработан двусторонней покрывающей ретушью, имеет вытянутую подтреугольную форму пера, линзовидное сечение, вогнутую базу, образующую два симметричных шипа (рис. 1, 4). Наконечники такого типа были широко распространены в регионе в I тыс. до н. э. [Дроздов и др., 2005. С. 55. Рис. 5; Привалихин, 1998. С. 78. Рис. 7, 11–23]. Второй наконечник представлен фрагментом (рис. 1, 5). Ретушью обработана только краевая часть.

Костяное трубчатое неорнаментированное изделие – вероятно, игольник (рис. 1, 6), размером 4,3 × 0,5 см. Игольники были широко распространены во времени и пространстве, и без особых изменений сохранились до этнографического времени у многих народов Сибири [Привалихин и др., 1989].

Бронзовые бочонковидные литые бусины (рис. 1, 1) в памятниках Северного Приангарья встречаются крайне редко. Так, в единичных экземплярах (4 экз.) они известны во 2-м культурном горизонте стоянки Сергушкин-3, отнесенном к I тыс. до н. э. [Привалихин, 1993. С. 16]. Аналогии с такими типами украшений отмечены, прежде всего, в Западной Сибири в различных культурах лесной и лесостепной зон в I тыс. до н. э., хотя и здесь они встречаются не часто. В единичных экземплярах подобные бусины присутствуют в погребальных и поселенческих комплексах V–II вв. до н. э. Томского и Верхнего Приобья, Барабинской лесостепи [Плетнёва, 1977. С. 27; Троицкая, 1979. С. 13; Полосьмак, 1987. С. 82]. На поселении Кижирово (Томское Приобье) обнаружена литейная форма, служившая для изготовления аналогичных изделий [Плетнёва, 1977. С. 14. Рис. 1, 3, 4]. Бочонковидные бусы известны в памятниках лесостепного варианта тагарской культуры, но и там они не получают широкого распространения и встречаются среди трубчатых и биконических бус-пронизок [Мартынов, 1979. С. 169. Табл. 21].

С середины I тыс. н. э. использование такого типа личных украшений получает широкое распространение, главным образом, у населения лесной и лесостепной зон: ис-

следователи отмечают рост числа таких бус в погребениях V – начала VIII в. н. э. [Троицкая, Новиков, 1998. С. 27; Мандрыка, Макаров, 1994. С. 76–77].

Особый интерес представляет фрагмент концевой накладки на лук. Размеры сохранившейся части: длина – 2,7, ширина – 1,5 см. Изделие характеризуется наличием паза в нижней части. Накладка соответствует типу «цельные с раздвоенным окончанием», выделенному В. И. Привалихиным на материалах цэпаньской культуры [1993. С. 19]. Исследования памятников, соответствующих по облику данной культуре, проведенные в последние годы, свидетельствуют об укоренившейся среди местного населения традиции использования лука, усиленного костяными накладками [Герман, Леонтьев, 2010. С. 501; Марченко и др., 2012. С. 454]. В более ранних комплексах Северного Приангарья они пока не обнаружены.

В цэпаньских памятниках к настоящему времени выявлены только концевые накладки. В погребениях они присутствовали по одному экземпляру. Располагаясь в районе головы погребенного либо парами, вдоль туловища (погребение № 2 могильника Соновый Мыс-2), соответствуя тем самым размещению и, возможно, размерам реального изделия [Привалихин, 1998. С. 87]. Накладка из погребения № 4 является оригинальным изделием: среди учтенных на тот момент В. И. Привалихиным предметов, исследователь упоминает лишь о двух экземплярах, отнесенных им к данному типу [1993. С. 19]. Еще два идентичных выделенному типу изделия были обнаружены авторами в погребении I тыс. до н. э. на могильнике Усть-Зелинда-2 в 2012 г.

При описании погребений, исследованных в устье р. Цэпань и у дер. Белоусово (верховья Лены), близких по времени к периоду существования цэпаньской культуры, А. П. Окладников обратил внимание на особенность обнаруженных им парных концевых накладок: они плотно прилегали друг к другу только в верхней части, вплоть до совпадения расположения арочных вырезов для тетивы, а затем они сильно расходились в стороны [1940. С. 109; 2003]. В некоторых случаях такой конфигурации способствовали специально подготовленные «ступеньки» на внутренней стороне пластин, что можно увидеть на примере изделий из погребения у дер. Белоусово [Окладников, 2003. С. 325.

Рис. 2]. По аналогичному принципу, со «ступеньками», изготовлены накладки, обнаруженные на могильнике раннего железного века Усть-Шилка II (погребение № 5). Расположенном в Енисейском Приангарье [Мандрыка, 2008. С. 121. Рис. 5, 33]. Данные концевые накладки по способу соединения с кибитью не являются боковыми, в привычном понимании, они как бы насаживались на ее окончания сверху. Таким образом, накладки подобной конфигурации, по способу крепления на лук, близки к типу «цельных накладок с раздвоенным насадом».

Некоторая часть перечисленных изделий имеет особенности в оформлении места крепления тетивы – это угловой вырез в ее верхней торцевой части, в результате чего окончание накладки приобретает вид короткого широкого шпенька. Накладки с угловым расположением места крепления тетивы, помимо указанных комплексов Енисейского и Северного Приангарья, известны также в погребениях раннего железного века Центральной Якутии [Степанов, 2010. С. 34. Рис. 4, 17, 18; С. 35; Степанов, Жирков, 2006. С. 311]. Таким образом, особое оформление места под тетиву, наличие характерной «ступеньки», «раздвоенный насад» в разном исполнении являются характерными конструктивными элементами изделий именно в таежных культурах Восточной Сибири. Такие накладки могли обладать как одним из перечисленных элементов, так иметь их в комбинированном виде. На сегодняшний день область их распространения ограничена Енисейским и Северным Приангарьем, верховьями Лены, а также районами Центральной Якутии.

Отметим, что для погребальных комплексов эпохи раннего железа Северного и Нижнего Приангарья не сложилось устойчивого мнения об их хронологии: первоначально предложенные датировки пересматривались, как правило, в сторону удреждения. Это касалось и погребений, в которых были обнаружены интересующие нас накладки на лук. Так, погребение на о. Отика, в котором находилась накладка с угловым вырезом, в одном случае датируется V–III вв. до н. э. [Привалихин, 1989. С. 192, 194], в другом VIII–V вв. до н. э. [Привалихин, 1993. С. 10–11]. Также была пересмотрена дата упомянутого погребения № 5 из могильника Усть-Шилка II: с конца I тыс. до н. э. [Мандрыка, 1998. С. 20; Ман-

дрыка, Свалова, 1998] до VI в. до н. э. [Мандрыка, 2008. С. 127; 2009. С. 284].

В настоящее время в отечественной историографии утвердилось мнение о том, что технология использования костяных накладок для улучшения характеристик лука получила массовое распространение в северных районах Центральной Азии в конце I тыс. до н. э. За луками, происходящими из этого региона, закрепилось наименование хуннских; тем не менее данные луки не образуют устойчивых хронологических и территориальных групп [Худяков, 1993. С. 109–111].

На наш взгляд, следует считать обоснованным мнение исследователей, которые предостерегали от того, чтобы считать «гуннским» или заимствованным непосредственно у «гуннов» любой лук с костяными накладками [Хазанов, 1971. С. 32]. На примере погребальных комплексов I тыс. до н. э. Байкальской Сибири проступает тенденция к удреждению начала использования луков, усиленных такими накладками (в частности, концевыми). Так, в Забайкалье их появление относят к первой половине I тыс. до н. э. и связывают это явление с культурой плиточных могил [Цыбиктаров, 1998. С. 118]. Для Прибайкалья считают возможным говорить о второй половине II тыс. до н. э. [Туркин, 2003. С. 11].

Новые материалы по эволюции сложно-составного, или усиленного, лука в Сибири позволяют сократить хронологический разрыв между периодом существования его архаической формы, лука серовского типа, и более позднего, хуннского. Серовский тип лука, который определяется отсутствием вырезов для крепления тетивы на накладках, продолжает существовать и в последующее за поздним неолитом время. Остатки изделий такого рода обнаружены в Якутии, в погребениях могильника Дириг-Юрях, в местности Кёрдюген, отнесенных к финальной стадии ымыяхтахской культуры, синхронной «глазковским» комплексам Прибайкалья [Федосеева, 1992. С. 85, 87; Алексеев и др., 2006. С. 49]. На юге Западной Сибири, в нескольких погребениях могильника Тузовские Бугры I и на поселении Березовая Лука, существование которых приходится на III – начало II тыс. до н. э., обнаружены предметы, интерпретируемые исследователями как костяные накладки на лук. Данные изделия уже имеют традицион-

ные для более позднего времени арочные вырезы для тетивы [Абдулганеев и др., 2000. С. 207. Рис. 1, 5, 10, С. 208; Грушин, 2008. С. 23. Рис. 1, 1]. Таким образом, проблема эволюции усиленных луков имеет сложный характер и требует дальнейшего исследования.

На первый взгляд, на основе сравнительного анализа черт погребальной практики и сопроводительного инвентаря, погребение № 4 можно отнести к эпохе раннего железа. Вместе с тем акцентируем внимание, что комплекс сопроводительных предметов не является узко датирующим, а ориентация погребенного иная, чем в погребениях цэпаньской культуры. Однако ограничить его датировку периодом второй половины I тыс. до н. э. – началом I тыс. н. э. было бы допустимо, исходя из приведенных аналогий.

С другой стороны, для погребения № 4 были получены две радиоуглеродные даты: одна по сгоревшему перекрытию могильной ямы, включавшему уголь и остатки бересты – $3\,700 \pm 150$ л. н. (SPb-220), другая – по кости человека – $3\,040 \pm 120$ л. н. (Le-9092). Между датами существует очевидный хронологический разрыв, который сохраняется даже при калибровке. Так, вероятный возраст по ± 2 сигма даты SPb-220 находится в пределах XXV–XVII вв. до н. э., а для даты Le-9092 – в пределах XVI–IX вв. до н. э. Причины этого разрыва нам видятся в «эффekte старого дерева» [Вагнер, 2006. С. 179] либо в использовании заведомо старого, давно срубленного или упавшего дерева. Эти два обстоятельства, на наш взгляд, могли повлиять на расхождение в датах. В данном случае предпочтительно ориентироваться именно на дату по кости, так как это результат прямого датирования.

Тем не менее и этот возраст выглядит удревленнным, не в полной мере соответствующим представлениям сегодняшнего дня о времени генезиса предметного комплекса древнего населения Северного Приангарья. Однако данное «неполное соответствие» является, на наш взгляд, кажущимся. Основанием для такого рода допущения являются: малое количество изученных погребальных комплексов I тыс. до н. э. (соотносимых, как правило, только с цэпаньской культурой); их хронология не разработана и не подкреплена радиоуглеродными датами. Кроме того, не решены проблемы происхождения культуры, а также типологически не выде-

лены памятники начала II тыс. до н. э. Пример с накладками показывает, что некоторые элементы предметного комплекса имеют сложную динамику развития во времени. Считаем, что датировка погребения № 4 концом II – началом I тыс. до н. э. отражает его реальную хронологическую позицию.

Значительные сложности возникают при определении культурно-хронологической принадлежности погребений № 2 и 5, практически безынвентарных. В первом случае – это нахождение одного черепа вне явного археологического контекста. Во втором – компактное размещение черепа и отдельных костей скелета в яме, что позволяет нам уверенно охарактеризовать его как вторичное захоронение. Случай, когда достоверно удастся зафиксировать преднамеренные манипуляции с останками на разных стадиях погребального ритуала. Результатом которых является нарушение анатомической целостности костяка, в захоронениях Северного Приангарья немногочисленны. Как правило, они связаны с комплексами эпохи неолита-бронзы, являющимися на сегодняшний день малочисленными и надежно нестратифицированными. К таковым относят погребение № 1 могильника Сосновый Мыс-2, погребения № 1–3 могильника Сергушкин-2, аналогии с которыми, по совокупности элементов погребальной практики, находят в глазковских погребениях Прибайкалья [Привалихин, 1998. С. 73–74; 2011]. Вероятно, допустимо охарактеризовать как вторичные либо парциальные, некоторые захоронения могильника Сосновый Мыс, сопроводительный инвентарь которых позволяет связать их также с хронологически аморфной группой «ранних погребений» [Петрова и др., 1976]. Среди известных захоронений цэпаньской культуры аргументированные случаи проведения посмертных манипуляций с телом умершего крайне редки. В качестве примера можно привести только могилу № 6 на о. Отика, где предполагалось помещение нижней челюсти умершего отдельно от головы [Привалихин, 1989. С. 194–195]. Другими примерами существования обычая расчленения трупа, по мнению В. И. Привалихина, являются погребение № 7, происходящее с этого же могильника, и погребение № 1 из могильника Сергушкин-3 [1993. С. 11, 15]. Однако, факт их частичного разрушения из-за эрозии бор-

та террасы позволяет относиться к таким интерпретациям с осторожностью.

В погребальных комплексах Верхнего Приангарья и Прибайкалья в целом – региона, степень археологической изученности которого несравненно выше, чем на других участках Приангарья. Различные проявления вторичных погребальных практик встречаются начиная с эпохи позднего мезолита [Базалийский, 2006]. В китойское время традиция преднамеренных манипуляций с останками, в контексте вторичной погребальной практики, получает широкое распространение [Базалийский, 1998. С. 14; 2006. С. 20; Лбова и др., 2008. С. 139]. Вторичные погребения присутствуют в глазковских погребальных комплексах, на всей территории их распространения [Лбова и др., 2008. С. 138, 141], но уже в значительно меньшем количестве по сравнению с эпохой неолита [Новиков, 2007. С. 115].

С другой стороны, отдельные захоронения черепов на территории Байкальской Сибири в ранне-неолитических погребальных комплексах пока не известны, несмотря на многочисленные случаи захоронения костяков с отсутствующими черепами [Базалийский, 2006. С. 18]. Однако среди памятников эпохи бронзы они образуют малочисленную, но устойчивую группу [Новиков, 2007. С. 112, 114]. Также в Северном Приангарье на стоянке Паново-4 обнаружено погребение с двумя подхороненными черепами, инвентарь которого имеет аналогии в материалах глазковских памятников [Славинский и др., 2010. С. 602].

Малочисленность выявленных в Северном Приангарье погребальных комплексов и неравномерное их распределение по хронологическим периодам не способствует выявлению последовательного распространения во времени элементов вторичной погребальной практики. Заметим, что еще в XVII в., по сообщению путешественников, при безусловном доминировании воздушного способа захоронения (подвешивание на деревьях), у ангарских эвенков прослеживается и обряд вторичного погребения: на похоронах покойников клали «на поваленное дерево и, когда тела их сгнивали, то кости закапывали в землю» [Семейная обрядность..., 1980. С. 165].

На основании зафиксированных археологических реалий определить хронологическую принадлежность погребений № 2 и 5

не представляется возможным. Единственным на данный момент признаком, свидетельствующим в пользу более раннего возраста захоронения № 5, является тот факт, что границы ямы и заполнение начинали проявляться довольно глубоко, на глубине 0,6 м от поверхности. По всей вероятности, культурные причины появления подобных объектов могут быть совершенно различными и не иметь однозначного объяснения.

Для погребения № 6, в котором отсутствовал погребальный инвентарь, ограничимся тем, что приведем радиоуглеродную дату по кости – $6\ 020 \pm 450$ л. н. (Le-9091). Отметим, что она имеет большую статистическую ошибку, поэтому при калибровке возможный возраст объекта варьирует в широких пределах: конец VI – начало IV тыс. до н. э. Тем не менее даже такая «приблизительная» дата указывает на неолитическую принадлежность захоронения.

Таким образом, могильник Пашина, выявленный на площади стоянки, следует считать разновременным. Исследованные здесь погребения являются одиночными, не образующими устойчивых культурно-хронологических групп. Из рассмотренных нами комплексов считаем возможным согласиться с цэпаньской принадлежностью погребений № 1 и 3. Погребения № 2 и 5 могут быть пока датированы широким хронологическим периодом. Погребение № 4, вероятно, относится к эпохе поздней бронзы, а погребение № 6 – к эпохе неолита в широких пределах. Рассмотренные погребения продемонстрировали, что для Северного Приангарья остаются актуальными в равной степени как проблема поиска и накопления информативных источников, так и разработка генезиса отдельных предметов материальной культуры с последующей комплексной оценкой времени формирования и культурной принадлежности объекта.

Список литературы

Абдулганеев М. Т., Кирюшин Ю. Ф., Пугачев Д. В., Шмидт А. В. Предварительные итоги исследований могильника Тузовские Бугры I Сибири // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2000 г. Новоси-

бирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. Т. 6. С. 206–210.

Алексеев А. Н., Жирков Э. К., Степанов А. Д., Шарборин А. К., Алексеева Л. Л. Погребение ымыяхтахского воина в местности Кёрдюген // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 2 (26). С. 45–52.

Базалийский В. И. К проблеме хронологической и пространственной интерпретации погребений эпохи раннего неолита на территории Байкальской Сибири // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Новосибирск, 1998. Т. 2. С. 10–18.

Базалийский В. И. «Неординарные» погребения в позднем мезолите – раннем неолите Байкальской Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2006 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. 12. С. 17–21.

Вагнер Г. А. Научные методы датирования в геологии, археологии и истории. М.: Техносфера, 2006. 576 с.

Васильевский Р. С., Бурилов В. В., Дроздов Н. И. Археологические памятники Северного Приангарья. Новосибирск: Наука, 1988. 224 с.

Герман П. В., Леонтьев С. Н. Результаты полевых исследований на памятниках Сергушкин-3 и Взвоз в Северном Приангарье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2010 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. Т. 16. С. 500–505.

Гришин А. Е., Гаркуша Ю. Н., Марченко Ж. В. Результаты полевых работ 2009 года на памятниках в устье р. Верхняя Кежма (Северное Приангарье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2009 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. 15. С. 262–266.

Грушин С. П. Поселение эпохи бронзы Березовая Лука: реконструкция системы жизнеобеспечения // Изв. АлтГУ. Серия: История. 2008. № 4 (2). С. 22–35.

Дроздов Н. И., Леонтьев В. П., Привалихин В. И. К вопросу о хронологической принадлежности погребений Стоянки Пашина в Северном Приангарье // Древности Приени-

сейской Сибири. Красноярск, 2005. Вып. 4. С. 50–57.

Лбова Л. В., Жамбалтарова Е. Д., Конов В. П. Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 248 с.

Леонтьев В. П., Дроздов Н. И. Памятники железного века Северного Приангарья и их культурно-хронологическая периодизация // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 1997 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. Т. 3. С. 219–221.

Мандрыка П. В. Ранний железный век подтаежной зоны Среднего Енисея: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1998. 24 с.

Мандрыка П. В. Могильник Усть-Шилка II как индикатор культурно-исторической ситуации раннего железного века Енисейского Приангарья // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. Т. 7, вып. 3: Археология и этнография. 2008. С. 117–131.

Мандрыка П. В. К вопросу о культурных связях племен в раннескифское время Енисейского Приангарья // Енисейская провинция. Красноярск, 2009. Вып. 4. С. 281–292.

Мандрыка П. В., Макаров Н. П. Погребения с трупосождениями в окрестностях Красноярска (к вопросу о выделении памятников нового культурного типа) // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н. э. Кемерово, 1994. С. 68–84.

Мандрыка П. В., Свалова Е. А. Грунтовые погребения тесинского этапа тагарской культуры в подтаежной зоне Среднего Енисея // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово; Гурьевск, 1998. С. 254–259.

Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 208 с.

Марченко Ж. В., Гаркуша Ю. Н., Гришин А. Е. Исследования на могильнике Усть-Зелинда-2 в 2012 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2012 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. 18. С. 453–458.

Новиков А. Г. Погребения бронзового века Прибайкалья с нарушенной анатомиче-

ской целостностью костяков // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2007. Т. 6, вып. 3: Археология и этнография. С. 109–117.

Окладников А. П. Погребение бронзового века в ангарской тайге // КСИИМК. 1940. Вып. 8. С. 106–112.

Окладников А. П. Скифы и тайга (к изучению памятников скифского времени в ленской тайге) // Археология Северной, Центральной и Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 2003. С. 322–329.

Петрова Н. А., Смотрова В. И., Смотрова Г. И., Дроздов Н. И., Ларченко С. И. Раскопки древнего могильника на Средней Ангаре // АО 1975 года. М.: Наука, 1976. С. 272–273.

Плетнёва Л. М. Томское Приобье в конце VIII – III в. до н. э. Томск: Изд-во ТГУ, 1977. 142 с.

Полосьмак Н. В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 144 с.

Привалихин В. И. В поисках научной истины // Век подвижничества. Красноярск, 1989. С. 189–198.

Привалихин В. И. Ранний железный век Северного Приангарья (цэпаньская культура): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1993. 24 с.

Привалихин В. И. Сосновый Мыс-2 – новый разновременный могильник Северного Приангарья // Сибирский межмузейный сборник. Красноярск, 1998. С. 72–87.

Привалихин В. И. Исследование погребений раннего бронзового века стоянки и могильника Сергушкин-2 в Северном Приангарье (Зона затопления Богучанской ГЭС на Нижней Ангаре // Второй век подвижничества. Красноярск, 2011. С. 184–202.

Привалихин В. И., Токмакова О. В., Ховрина И. А. Древние трубчатые игольники Северного Приангарья (по материалам раскопок экспедиции Красноярского краевого музея) // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. Красноярск, 1989. С. 106–109.

Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения). М.: Наука, 1980. 240 с.

Славинский В. С., Анойкин А. А., Рыбалко А. Г., Казакова Е. А., Милютин К. И. Археологические комплексы стоянки Кода-3 // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 7: Археология и этнография. С. 194–205.

Славинский В. С., Казакова Е. А., Милютин К. И., Кербс И. О., Рыбалко А. Г., Анойкин А. А. Результаты полевых исследований на ансамбле памятников Паново // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2010 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. Т. 16. С. 600–603.

Степанов А. Д. Дюпсинское погребение раннего железного века Центральной Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 1 (41). С. 32–36.

Степанов А. Д., Жирков Э. К. Покровское погребение 2 раннего железного века // Изв. лаборатории древних технологий. Иркутск, 2006. Вып. 4. С. 309–313.

Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 124 с.

Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.

Туркин Г. В. Лесостепное Предбайкалье в конце II – I тыс. до н. э. (по материалам погребально-поминальных комплексов): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2003. 24 с.

Федосеева С. А. Диринг-Юрхский могильник (Типология каменного погребального инвентаря и место памятника в древней истории Северо-Восточной Азии) // Археологические исследования в Якутии. Новосибирск, 1992. С. 84–105.

Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 172 с.

Худяков Ю. С. Эволюция сложносоставного лука у кочевников Центральной Азии // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993. С. 107–148.

Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. 288 с.

Список источников

Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. № 6787. Н. И. Дроздов. Отчет о полевых исследованиях Северо-Ангарской археологической экспедиции Красноярского педагогического института в 1976 году. Красноярск, 1977. 60 с

Yu. N. Garkusha, Zh. V. Marchenko, A. E. Grishin

**BURIALS OF «PASHINA SITE» (THE NORTHERN ANGARA RIVER BASIN):
PROBLEMS OF DEFINING OF CHRONOLOGICAL AND CULTURAL BACKGROUND**

The article focuses on an introduction into the scientific use of information obtained from three new burial complexes discovered in the previously known archaeological monument «Pashina Site» (Northern Angara River basin). The conclusion of the age of new burials is based on a comparative analysis of the features of the funerary practices and the accompanying equipment. Among the complexes studied the objects related to the Neolithic and the Early Iron Age are identified. Two radiocarbon dates are analyzed obtained for burial 4, chronological affiliation of which, according to the accompanying inventory, generally corresponds to the I millennium BC. The resulting dates are older, which is not fully consistent with the concept of the genesis of the material culture of the local ancient population. As a result of the discussion the conclusion is suggested that the discrepancy reflects an insufficient elaboration of chronology and periodization of the I millennium BC sites of Northern Angara River basin, built on the basis of traditional archaeological methods, and the lack of typologically selected sites of the beginning of II millennium BC. In conclusion, the proposed age of the burial 4 is limited within the interval of the end of the II – the beginning of the I millennium BC. In addition, the original type of the bone plate for the bow obtained from this burial is also presented.

Keywords: Northern Angara River basin, Bronze Age, Early Iron Age, bone plates for the bow, radiocarbon dating.